

Глава 2

Мы и Они

Адам Смит, чуткий наблюдатель парадоксов социальной жизни, заметил однажды, что в цивилизованном обществе человек во все времена нуждается в сотрудничестве и помощи огромного количества людей, тогда как всей его жизни едва хватает на то, чтобы приобрести дружбу лишь нескольких из них.

Представьте себе неисчислимое множество не известных вам людей, чья деятельность необходима, чтобы сделать вашу жизнь такой, какова она есть (и тех, благодаря труду которых вы ежедневно имеете тарелку каши; и тех, кто следит за состоянием шоссе, чтобы вы могли развить скорость 70 миль в час, не опасаясь попасть в яму за углом; и тех, кто, подчиняясь правилам общежития, дает вам возможность гулять по улицам, не опасаясь нападений, или вдыхать воздух, не боясь быть отравленным токсичным дымом). Представьте себе все множество людей, не знакомых вам, но тем не менее налагающих ограничения на вашу свободу выбора предпочтительного для вас образа жизни (тех, кто хочет иметь те же вещи, что и вы, но тем самым позволяет торговым компаниям поддерживать высокие цены; тех, кто считает роботов более выгодными, чем живые работники, но тем самым уменьшает ваши шансы найти подходящую вам работу; те, кто, будучи занят своими собственными делами, загрязняет воздух, производит шум, забивает дороги, отравляет воду, и вы не можете избежать этого). Сравните эти огромные массы людей с кругом ваших знакомых, которых вы можете узнать в лицо и чьи имена помните. Вы, конечно же, обнаружите, что среди всех, кто оказывает влияние на вашу жизнь, люди, которых вы знаете или о которых вы слышали, составляют лишь малую часть тех, кого вы никогда не встречали и о ком никогда не слышали. Насколько мала эта часть, вы никогда не узнаете...

Когда я думаю о них, представители человеческого рода (в прошлом, настоящем или будущем) являются предо мной в самых разных качествах. Некоторых я встречаю довольно часто и потому, как мне кажется, знаю близко; мне думается, я знаю, чего от них можно ожидать, а чего нельзя; знаю, как мне удостовериться в том, что я получаю от них именно то, чего жду и хочу; знаю как мне убедиться в том, что они реагируют на мои действия так, как я того хочу. С этими людьми я *взаимодействую*; я вступаю с ними в общение, *коммуникацию*: мы говорим друг с другом, делимся знаниями и обсуждаем интересные для нас вещи в надежде на взаимопонимание. Некоторых других я встречаю лишь изредка; мы видимся главным образом при особых обстоятельствах, когда я или этот другой человек хочет получить или обменяться особыми, специфическими услугами (например, я редко встречаю своего учителя помимо лекций и семинаров; я вижу определенного продавца, только когда покупаю соответствующие продукты; я встречаюсь со своим дантистом, по счастью, очень редко, когда мои зубы нуждаются в лечении). Мои отношения с этими людьми можно назвать функциональными. В моей жизни эти люди исполняют какую-либо функцию; наше взаимодействие сводится к определенным аспектам моих (и, как мне кажется, их) интересов и деятельности. В большинстве случаев меня вовсе не интересуют стороны личности другого, не связанные с выполнением функции, которую я от него ожидаю. Поэтому я не спрашиваю, например, о семейной жизни продавца, об увлечениях дантиста и о художественном вкусе моего преподавателя политологии. Но и сам, в свою очередь, рассчитываю на подобное отношение с их стороны. Любые расспросы на посторонние темы я буду расценивать как бесцеремонное вмешательство в *мои личные дела*, которые их не касаются. А если бы такое вмешательство и произошло, то я счел бы себя вправе сопротивляться ему, поскольку это было бы оскорблением и нарушением неписаных правил наших взаимоотношений, которые являются не более

чем *обменом* особыми услугами. Наконец, некоторых людей я вообще едва ли встречаю. Я знаю о них, об их существовании, но поскольку они не имеют прямого отношения к моим повседневным делам, я не воспринимаю всерьез возможность непосредственного общения с ними. Фактически, я крайне редко вспоминаю о них.

Альфред Шутц, немецко-американский социолог, основатель так называемой феноменологической школы в социологии, предположил, что с точки зрения любого индивида всех других людей можно представить в виде некоего непрерывного (связанного) множества — континуума, измеряемого социальной дистанцией, которая возрастает по мере того, как социальное взаимодействие сокращается по содержанию и интенсивности. Принимая себя (“эго”) за отправную точку в этом континууме, я могу сказать, что те, кто расположен ко мне ближе всех, — это мои *сотоварищи* (сообщники) — люди, с которыми я действительно нахожусь в непосредственном взаимодействии, что называется, лицом к лицу. Они — лишь небольшая частичка огромного сектора, который занимают мои *современники* — люди, живущие в то же время, что и я, и с кем я, по крайней мере, потенциально могу устанавливать непосредственные отношения. Конечно, мой практический опыт общения с современниками может меняться. Он все время варьирует от персонализированного (персонифицированного) знания отдельных людей до знания, ограниченного моей способностью относить людей к определенным типам, самое большее — к некоторым категориям людей (пожилым, черным, евреям, латиноамериканцам, богатым, футбольным фанатам, солдатам, бюрократам и т.п.). Чем дальше отстоит от меня данная точка континуума, тем более обобщенным, типизированным является мое представление о людях, обозначенных ею, равно как и моя реакция на них, т.е. мое мысленное отношение к ним, если мы не встречаемся непосредственно, или мое практическое поведение, если я с ними общаюсь. Кроме моих современников, однако, есть еще (по крайней мере на моей мысленной карте человечества) мои *предки* и мои *потомки*. Они отличаются от современников тем, что мое общение с ними неполно, односторонне, и ему суждено остаться таким, возможно, навсегда. Предки могут передать мне послания (мы склонны называть такие послания *традицией*, сохраненной *исторической памятью*), но я не могу на них ответить. С потомками, напротив, все обстоит иначе: вместе с моими современниками я оставляю им послания, содержащиеся во всем, что мы совместно или индивидуально построили или написали, но я не жду ответа от них. Заметим, что ни одна из названных категорий людей не закрепляется раз и навсегда. Они имеют “пористые” (как губка) границы: отдельные люди могут менять и меняют свое местоположение, перемещаясь из одной категории в другую, двигаясь ближе к моей точке континуума или дальше от нее, превращаясь из современников в предков или из потомков в современников.

Два типа близости — духовная и физическая — не обязательно пересекаются. В густо населенных районах, подобных городским центрам, мы на какое-то время оказываемся физически близкими к огромному количеству людей, с которыми, однако, не чувствуем почти никакой духовной связи; как мы увидим в главе 3, в спрессованном пространстве города физическая близость существует одновременно с духовной отдаленностью (действительно, жизнь в городе требует владения сложным искусством “нейтрализации” влияния физической близости, иначе она повлечет за собой духовную перегрузку и навяжет нам моральные обязательства, слишком обременительные для нас; все городские обитатели прекрасно владеют этим искусством). Духовная или нравственная близость заключается в нашей способности (и готовности) испытывать чувство товарищества: воспринимать других людей как субъектов наравне с собой, с их собственными целями и правом добиваться этих целей, с их эмоциями, подобными нашим, и такой же способностью испытывать наслаждение и страдать от боли. Чувство товарищества обычно предполагает

эмпатию, т.е. способность и готовность поставить себя на место другого человека, посмотреть на вещи глазами другого. Она также сопровождается способностью к *сочувствию* — умению радоваться удачам других и печалиться их бедами. Этот тип чувства товарищества является наивернейшим признаком (а фактически — смыслом) духовной и моральной близости, которая угасает, иссякает по мере отдаления.

Из всех различий и разделений, позволяющих мне наблюдать “перерывы постепенности”, воспринимать различия там, где иначе мог быть плавный переход, подразделять людей на категории в зависимости от их отношения и поведения, одно различие проявляется сильнее и больше влияет на мои отношения с другими, чем все остальные, которые я представляю себе и воспроизвожу в своем поведении, — различие между “мы” и “они”. “Мы” и “они” — это не определения двух отдельных групп людей, а названия различия между двумя совершенно разными отношениями: эмоциональной привязанностью и антипатией, доверием и подозрительностью, безопасностью и страхом, общительностью и неуживчивостью. “Мы” — группа, к которой я принадлежу. Я хорошо понимаю, что происходит внутри группы, и поскольку я это понимаю, я знаю, как мне действовать дальше, чувствую себя уверенно, как дома. Группа является, так сказать, моим естественным окружением, местом, где мне нравится бывать и куда я возвращаюсь с чувством облегчения. “Они”, напротив, — это та группа, к которой я не могу или не хочу принадлежать. Мое представление о происходящем в ней весьма смутно и отрывочно, я плохо понимаю ее поведение, поэтому ее действия для меня большей частью непредсказуемы и отпугивают. Я склонен думать, что “они” отплатят мне за мое недоверие и опаску той же монетой, ответят на мою подозрительность тем, что затаят на меня не меньше обиды, чем я могу затаить на них. Поэтому я ожидаю, что они будут действовать вопреки моим интересам, будут стараться причинить мне вред и содействовать моей неудаче, что они порадуются моему несчастью.

Различие между “мы” и “они” в социологии часто представляется как различие между внутригрупповыми и межгрупповыми отношениями. Эта пара противоположных отношений неразделима: не может быть внутригрупповых чувств без межгрупповых отношений, и наоборот. Две стороны, два участника данной концептуально-поведенческой противоположности дополняют и обуславливают друг друга: только благодаря ей они вообще имеют какой-либо смысл. “Они” — это не “мы”, и “мы” — это не “они”; что такое “мы” и “они”, можно понять, только рассматривая их вместе, во взаимном конфликте. Я рассматриваю мою группу как “мы” только потому, что некоторую другую группу рассматриваю как “они”. Две противоположные группы размещаются на моей мысленной карте мира на разных полюсах антагонистических отношений; этот *антагонизм* делает обе группы “реальными” для меня, а также удостоверяет их внутреннюю согласованность, которую я у них предполагаю.

Противостояние (оппозиция) — прежде всего орудие, используемое мною для того, чтобы очертить мой мир (мой принцип классификации, схему, приписывающую другим их места на моей карте разделенной вселенной). Я использую его для того, чтобы отличить мою школу от соседней; “мою” футбольную команду от команды соперников; зажиточных и, следовательно, почтенных налогоплательщиков, вроде меня, от “паразитов”, которые норовят жить за чужой счет; моих миролюбивых друзей, которые не хотят ничего, кроме развлечений, от полиции, которая всячески препятствует этому; нас, законопослушных, уважаемых граждан от “всякого сброда”, отвергающего все правила и пренебрегающего порядком; нас, надежных, работающих взрослых от диких, несуразных подростков; нас, молодежь, которая хочет найти свое место в жизни и сделать этот мир лучше, от стариков, хватающихся за свои устаревшие принципы; моего великодушного и доброжелательного народа от его агрессивных, злых и коварных соседей.

Из этой взаимной неприязни мы и они, наша группа и другая группа каждый раз получаем соответствующие характеристики и особую эмоциональную окраску. Можно сказать, что противостояние определяет обоих его участников. Можно также сказать, что каждая его сторона устанавливает свою тождественность на основании того факта, что мы рассматриваем ее как участника антагонизма. Из этих наблюдений мы можем сделать весьма любопытный вывод: другая группа является той самой воображаемой противостоящей стороной, тем противовесом, который необходим нашей группе для самоидентификации, для ее согласованности, внутренней сплоченности и эмоциональной безопасности. Готовность к сотрудничеству внутри группы требует как бы подтверждения в форме отказа от сотрудничества с кем бы то ни было другим. Можно даже сказать, что действительное присутствие группы, поведение которой предположительно было бы таким же, как и у другой группы, нигде не обнаруживается; если бы такой группы не существовало, ее следовало бы придумать ради сплоченности и целостности данной группы, которая должна определить врага, чтобы обозначить и охранять свои границы, а также обеспечивать лояльность и сотрудничество внутри. Это все равно, что мне надо испытать страх перед дикими зверями, чтобы почувствовать себя в безопасности где-то дома. Для того чтобы на самом деле ощутить, что такое “внутри”, должно быть нечто “вне”.

Чаще всего образцом взаимной симпатии и взаимопомощи, которые мы приписываем, требуем или ожидаем получить от своей группы, служит семья (не обязательно та, которую мы знаем по собственному, не всегда счастливому опыту, но и та, которую мы представляем себе как “идеальную семью”, как желаемое) Идеалы, идеальные чувства, окрашивающие отношение к большинству своих групп, — это солидарность, взаимное доверие и “общая связь” (т.е. обязательство помогать сотоварищу, даже в ущерб себе, всегда, когда эта помощь требуется). Так предположительно должны вести себя по отношению друг к другу члены одной семьи. Идеальные отношения между родителями и детьми представляют собой идеальную модель отношений любви и заботы, согласно которой верховная власть или сила употребляются только в интересах слабой стороны. Идеальные отношения между мужем и женой показывают пример взаимодополняемости: только вместе, делая то, что каждый из них делает лучше другого, они могут достичь цели, которой оба желают и добиваются. Идеальные отношения между родными братьями и сестрами являются прототипом бескорыстного сотрудничества, соединения усилий для общего дела, солидарного поведения типа “один за всех, все за одного”. Вы, наверное, замечали, что люди, желающие сформировать чувство взаимной преданности у своих слушателей или собеседников, любят использовать метафору братства и обращаться к ним как к “братьям и сестрам”. Чувства национальной солидарности и готовность пожертвовать собой ради народа побуждаются обращениями к родине как к “матери” или “отечеству”.

Взаимопомощь, защита и дружба представляют собой, таким образом, воображаемые правила внутригрупповой жизни. Когда мы думаем о тех, кого причисляем к своей группе, то надеемся, что если бы между ними и существовали разногласия, то они старались бы вести себя так, словно взаимоприемлемое решение этих разногласий и всеобщее согласие в принципе являются желательными и достижимыми. Мы надеемся, что они начали бы обсуждать решение в дружественной, миролюбивой манере, помня об общности их интересов. Расхождения во мнениях между ними рассматривались бы, напротив, как временный казус, который будет устранен, как только стороны “ознакомятся со всеми фактами по данному вопросу” и смогут высказать свои истинные суждения, не позволяя всякого рода путаникам (наиболее вероятно — агентам “другой стороны”, “внедрившимся” и только прикидывающимся “своими”) вводить себя в заблуждение.

Все это заставляет нас воспринимать отношения внутри группы как теплые, эмоционально насыщенные, проникнутые взаимной симпатией и благодаря этому возбуждающие в каждом преданность и верность, необходимые для сплоченной защиты группы от всех и каждого.

Само собой разумеется, мы не пропустили бы неблагожелательного мнения о тех, с кем мы отождествляем себя как с членами одной группы. Когда мы слышим подобные мнения, то скорее всего стремимся опровергнуть их и защитить доброе имя “незаслуженно оскорбленных”. Сталкиваясь с утверждениями, будто люди, принадлежащие к нашей группе, ведут себя не столь уж безупречно, мы изо всех сил стараемся объяснить их поведение стечением обстоятельств либо просто отвергаем их как злобную клевету, сплетни, происки недоброжелателей или измышления враждебной пропаганды. И наоборот, если такого рода обвинения выдвигаются против “них”, то мы признаем их справедливыми. Они должны быть справедливы. Лучше, чтобы они были справедливы...

Все это в конечном счете означает, что существует чувство, *предшествующее* всякому размышлению и аргументации, — это чувство общности, или общей группы, которая является чем-то родным, настоящим домом, и дом следует защищать любой ценой. Здесь, внутри, иногда может быть трудно, но в конце концов всегда можно найти решение. Люди могут казаться грубыми и эгоистичными, но в случае необходимости можно всегда рассчитывать на их помощь. Наконец, их можно понять и можно быть уверенным, что и они тебя поймут. Недопонимание маловероятно. Кроме всего прочего, можно наслаждаться приятным чувством безопасности; а если опасность и появится, то наверняка она будет вовремя замечена и “мы” объединим усилия, чтобы отразить ее.

Вот что мы чувствуем (даже если не очень распространяемся об этом и никогда не формулируем для себя самих), когда говорим “мы”. Мы *чувствуем* это, и именно данное чувство что-то значит для нас, а не то, что делают все эти люди, которых называют “мы”. Иногда мы мало знаем об их опыте, особенно если духовная близость не совпадает с пространственной, не сопровождается и не поддерживается частыми встречами, постоянным общением, *личными* контактами.

Хотя наши представления обо всех своих группах, больших и малых, обладают некоторыми общими существенными чертами, сами группы — объекты наших представлений — сильно разнятся между собой. Некоторые из них малы по числу входящих в них людей, причем настолько малы, что фактически все их члены могут близко видеть друг друга в течение дня, наблюдать за действиями друг друга, их контакты в таком случае часты и тесны. Это группы личного контакта. Семья (особенно живущая под одной крышей) — наиболее очевидный, самый наглядный пример такой группы. Можно также представить себе группу близких и преданных друзей, проводящих вместе все время и постоянно стремящихся составить компанию друг другу. И хотя состав семьи лишь отчасти является результатом нашего выбора, тогда как друзей мы можем выбирать и покидать по собственному усмотрению, отношения в обеих группах благодаря их обозримым размерам настолько интимны, насколько это позволяют личные контакты. В таких группах мы можем проверить свои ожидания и идеальные представления, сравнив их с тем, что и как чувствуют и делают другие. Мы можем даже попытаться привести в соответствие со своим идеалом поведение других, если нам кажется, что оно не совсем отвечает нашим стандартам. Мы можем упрекать и наказывать их за то, что нам не нравится в их поведении, и хвалить и вознаграждать за то, что нравится. В таких случаях наше идеальное представление приобретает осязаемую, “материальную” силу. Посредством наших поправок она постоянно оказывает давление на действия членов мы-группы. Наконец, она может удерживать реальность в соответствии с признаваемыми нами нормами, делать ее такой, какой мы ее себе представляем.

Однако этого не происходит, если своя группа настолько велика и рассеяна, что лично можно встретиться лишь с немногими ее членами.

Класс, пол, нация — типичные примеры своей группы второй категории. И хотя мы зачастую представляем их себе наподобие малых, тесных групп, хорошо известных нам, они, будучи большими по масштабам, “в увеличенном виде”, не воспроизводят интимность малых групп; их целостность хранится главным образом в головах тех, кто воспринимает такие группы как “мы”. Это целиком и полностью *воображаемые сообщества* (или, точнее, мы воображаем *как* сообщества; черты общности, присущие им, сами по себе еще не гарантируют, что солидарное действие и взаимопонимание, которое мы справедливо ассоциируем с истинной мы-группой, действительно присутствуют в них). В жизни совокупности людей с одинаковым доходом и профессиональным статусом, одинакового пола, с едиными традициями и языком могут раздражаться, как это зачастую и случается, жестокими конфликтами интересов, разделяться на враждующие фракции с различными убеждениями, верованиями и стремлениями, которые не так-то легко примирить. Все эти трещины, рассекающие их единство, лишь на поверхности прикрываются образом “мы”. Если я, говоря о каком-либо классе, поле или нации, использую слово “мы”, то это значит только одно: я отдаю предпочтение тому, что нас объединяет (или что я считаю и желаю, чтобы нас объединяло), а не тому, что нас разъединяет. Это аналогично тому, как если бы я взывал к другим членам воображаемого сообщества (подобным образом поступают националистические лидеры в своих патриотических речах) забыть наши различия, прекратить споры, вспомнить, что у нас много общего и что это общее гораздо важнее того, что разделяет нас, и потому сомкнуть ряды и соединиться ради достижения общей цели.

Не располагая в качестве скрепы личными контактами, классы, полы и нации не становятся сами по себе “своими группами”. Они должны быть *сделаны* такими, зачастую вопреки могущественным силам, разрывающим их на части. Образ класса, пола, нации как сообщества, как единого, слаженного и гармоничного образования единомышленников, одинаково чувствующих и мыслящих, Должен быть навязан реальности, с которой он идет вразрез. Такое навязывание предполагает, что противоречащий данному образу опыт подавляется или опровергается как ложный или не соответствующий действительности. Оно предполагает также постоянное, упорное восхваление единства. Для того чтобы быть эффективным, оно нуждается в постоянном, дисциплинированном и обеспеченном ресурсами корпусе активистов (своего рода профессиональных ораторов для сообщества), чья деятельность облекает плотью воображаемое единство интересов и верований. Такой корпус (например, политическая партия, профсоюз, феминистская ассоциация, комитет национального освобождения, правительства национальных государств) формулирует смысл того, что означает “принадлежать к сообществу”. Он создает возможность единства, отмечая реальные или воображаемые черты, якобы характерные для всех членов сообщества (общая историческая традиция, общее угнетенное положение или общий язык и обычаи) и являющиеся достаточным основанием для сотрудничества. Этот корпус может использовать все свои ресурсы для того, чтобы помочь приобщиться к исповедуемому ими образу и в случае необходимости наказать или подвергнуть обструкции инакомыслящих и отклоняющихся. Короче говоря, формированию крупных “своих групп” *предшествуют* действия такого рода образований (корпусов). Вот почему идея классовой борьбы и ее активные пропагандисты появляются раньше, чем формируются классовая солидарность и солидарное действие, которые основываются на представлении о классе как о “своей группе”. Точно так же национализм (идея о том, что верность нации превыше всякой другой привязанности) предшествует появлению единых национальных образований.

Какими бы внушительными ни были образования, развивающие идею сообщества, и как бы настойчиво они это ни делали, их реальная опора остается очень хрупкой и уязвимой. Крупному сообществу всегда недостает той основы, которую составляет плотная сеть личных взаимодействий, поэтому оно постоянно нуждается в том, чтобы взывать к верованиям и чувствам. Этим объясняется и огромное значение границ, которые им приходится проводить и поддерживать. Никакие усилия, направленные на то, чтобы сформировать чувство преданности большой группе, не будут иметь шансов на успех, если побуждение к солидарности в “своей группе” не сопровождается разжиганием враждебности к “другой группе”. Призыв сомкнуть ряды всегда является призывом ополчиться на врага.

Образ врага выглядит столь же мрачным и пугающим, сколь приятным, в теплых тонах, рисуется образ собственной группы. Враги — это сборище коварных недоброжелателей. Они неумолимо враждебны, даже если маскируются под дружественно настроенных соседей, или им просто не дают совершать такие поступки, к которым у них, как говорится, лежит душа. Если бы им было позволено действовать, как заблагорассудится, то они нападали бы, завоевывали, поработали, эксплуатировали: открыто, будь они достаточно сильны, или исподтишка, скрывая свои истинные намерения. Следовательно, всегда нужно оставаться бдительными, что называется, держать порох сухим, вооружаться и модернизировать оружие, чтобы враг видел все это, смирялся со своей слабостью и не мог осуществлять свои недобрые замыслы.

Враждебность, подозрительность и агрессивность по отношению к “чужой группе” (обычно выступающие как необходимый ответ на враждебность и недоброжелательство противной стороны) являются следствием и только потом становятся причиной предубеждения. Предубеждение означает полное неприятие каких бы то ни было достоинств врага, а также предрасположенность к преувеличению его реальных и воображаемых, мнимых пороков. Все действия провозглашенных врагов истолковываются таким образом, чтобы еще больше очернить их образ, им приписывают самые неблагоприятные мотивы, следуя принципу “Все, что бы вы ни сказали и ни сделали, будет обращено против вас”. Предубеждение не позволяет поверить в возможность того, что намерения “чужой группы” могут быть вполне честными, что враги и в самом деле имеют в виду то, что говорят, и их предложение мира может быть искренним и свободным от каких-то скрытых намерений. В борьбе против “империи зла” каждый шаг врага, каким бы очевидно миролюбивым или невинным он ни был, рассматривается в увеличительное стекло с тем, чтобы обнаружить в нем любой недружественный подвох.

Предубеждение проявляется и в существовании двойного стандарта морали. То, что члены “своей группы” заслуживают по праву, будет считаться актом милости и великодушия для людей из “чужой группы”; и наоборот, то, что в действиях членов “своей группы” превозносится как акт примерного бескорыстия, в действиях членов “чужой группы” принижается и низводится до “обычных правил приличия”. И что важнее всего, собственная жестокость по отношению к членам “чужой группы” не кажется противоречащей моральным нормам, тогда как за подобные действия и даже в более безобидных случаях со стороны врага требуют сурового осуждения. Предубеждение заставляет людей оправдывать такие средства для достижения своих целей, которые они никогда не согласились бы оправдать для достижения целей “чужой группы”. Одни и те же действия называются по-разному и соответственно заслуживают похвалы или осуждения в зависимости от того, какая сторона их совершила. Возьмем, к примеру, такие пары понятий, как “борцы за свободу” и “террористы”, “протестующие” и “виновники беспорядков”, “революция” и “бунт”. Подобного рода уловки позволяют нам настойчиво, упрямо и с полным сознанием утверждать, что справедливость целиком и полностью на нашей стороне.

Предрасположенность к предубеждению распределяется не одинаково. Замечено, что некоторые люди особенно склонны воспринимать мир в резких, непримиримых противопоставлениях (оппозициях) и с ожесточением отвергать всякого, кто действительно или как им кажется отличается от них. Такая установка проявляется в *расистских* отношениях и действиях, или — более обобщенно — в *ксенофобии* — ненависти ко всему “чужому”. Обычно люди, проявляющие наибольшую склонность к предрассудкам, оказываются и убежденными, горячими сторонниками единообразия во всем. Они болезненно переживают любое отклонение от строгих правил поведения и по сему предпочитают сильную власть, позволяющую держать народ в узде. Люди, характеризующиеся таким набором установок, считаются *авторитарными личностями*. Однако до сих пор остается загадкой, почему некоторые люди являются (или становятся) такими личностями, тогда как другие могут чувствовать себя счастливыми среди множества разных стилей жизни и оставаться терпимыми к невероятному количеству различий. Возможно, то, что мы описываем как проявления авторитарности, есть просто следствие социальной ситуации, в которой оказался человек, якобы обладающий качествами авторитарной личности. Хотя, с другой стороны, если хорошо подумать, то так ли уж сильны различия в уровне и интенсивности предубеждений и так ли они зависят от социального окружения, в котором живут и действуют приверженные им люди

Таким образом, предрасположенность к тому, чтобы “купиться” на идею о резких границах между “своей группой” и “чужой группой”, а также к тому, чтобы ревностно оберегать целостность первой от угрозы, якобы исходящей от второй, как представляется, тесно связана с чувством уязвимости, порождаемым кардинальным изменением привычного и знакомого жизненного окружения. Такое изменение, естественно, осложняет жизнь. По мере того, как ситуация становится все более неопределенной и менее предсказуемой, человек начинает переживать ее как опасную и пугающую. То, что человек усвоил как эффективный и плодотворный образ жизни, вдруг оказывается менее надежным; он чувствует, что перестает контролировать ситуацию, которую до сих пор считал вполне подвластной себе. И он отвергает изменение. В таких случаях люди остро чувствуют необходимость защищать “старые порядки” (т.е. *знакомые* и удобные порядки), и в результате агрессия направляется против новичков — тех, кого еще не было, когда старые порядки считались незыблемыми, и кто появился сейчас, когда старый порядок подвергается нападкам или стремительно теряет свою целесообразность. Кроме того, сами новички — уже другие люди: у них свой стиль жизни, и они наглядно олицетворяют собой изменения. Это кажется просто, как дважды два: новички виновны в переменах, в исчезновении прочности, обесценивании старых привычек, в неопределенности настоящей ситуации и в будущих несчастьях.

Норберт Элиас всесторонне проанализировал ситуацию, порождающую предубеждение, в своей теории признанных и посторонних. Приток посторонних всегда представляет угрозу образу жизни коренного населения, сколь бы малым ни было объективное отличие вновь прибывших от старых обитателей. Напряжение, возникающее в связи с необходимостью потесниться ради вновь прибывших и потребностью посторонних искать для себя места, заставляет обе стороны преувеличивать различия. Зачастую даже самые незначительные черточки, которые при других обстоятельствах остались бы незамеченными, теперь выпячиваются и расцениваются как препятствия для совместного проживания. Они становятся объектом неприязни и используются в качестве доказательства неизбежности строгого разделения и немыслимости смешения. Беспокойство и враждебные чувства достигают точки кипения с обеих сторон, однако старожилы в целом обладают лучшими ресурсами, чтобы действовать в соответствии с предубеждением. Они могут апеллировать к правам, приобретенным на данное место самой длительностью

проживания (“это земля наших предков”); посторонние — это не просто чужие и другие, но и “завоеватели”, внедрившиеся сюда, не имея на то никаких прав.

Сложные взаимоотношения старожилов и аутсайдеров так или иначе требуют объяснения огромного количества разнообразных конфликтов между “своей группой” и “чужой группой”, а вместе с тем и наиболее распространенных, устойчивых предрассудков. Появление современного антисемитизма в Европе XIX в. и его широкое распространение можно понять как результат совпадения двух процессов: во-первых, набравших скорость перемен в индустриальном обществе и, во-вторых, эмансипации евреев, вышедших из гетто или отгороженных еврейских кварталов и закрытых сообществ, что позволило им смешаться с нееврейским населением городов и заняться “обычными” профессиями. Множество лавочников и ремесленников, привычному существованию которых угрожали фабрики и торговые компании, с готовностью восприняли в качестве убедительного объяснения причин бедствий, сотрясавших основы их жизни, появление на их улицах этих доселе не известных им чужаков. Точно так же утрата традиционной основы безопасности, обусловленная постепенным развалом Британской империи, разрушение привычного городского ландшафта в ходе реконструкции городов в послевоенной Англии, а затем и исчезновение из них промышленности, с которой были связаны навыки и жизненные ожидания многих людей, породили широкое недовольство, направленное против пришельцев из Вест-Индии или Пакистана; отсюда и волна гнева против предвестников будущих потрясений, гнева, который иногда выражался в чисто расистских формах, а чаще стыдливо маскировался сопротивлением “чуждой культуре”. Приведем еще один характерный пример: во второй половине XIX в. в течение нескольких десятилетий беспокойство и тревога квалифицированных рабочих, столкнувшихся с угрозой сокращения рабочих мест вследствие стремительной механизации трудовых процессов на фабриках и последующей их (рабочих) “декавалификацией”, направлялись против притока рабочих, называвших себя “разнорабочими”, но официальные профсоюзы сразу же окрестили их “неквалифицированными” рабочими. Их не принимали в профсоюзы и отказывали в защите со стороны профсоюзов до тех пор, пока они не завоевали права на создание собственных профсоюзов вопреки сопротивлению квалифицированных рабочих.

Аналогичные процессы можно наблюдать и в наше время всюду, где происходят изменения и резко сокращаются возможности сохранять и продлевать старый образ жизни. Мы читаем об отчаянном сопротивлении одних профсоюзов рабочих, не желающих делить работу с каким-либо другим профсоюзом; а в последнее время наиболее частой причиной забастовок стали споры по разграничению трудовых прав. Но, наверное, самым наглядным примером устоявшейся предрасположенности к изображению новичков опасными чужаками является ставшее притчей во языцах сопротивление мужчин требованиям равных с ними прав для женщин в сфере занятости и конкуренция со стороны последних за занятие высоких постов. Вторжение женщины на территорию некогда надежного “мужского заповедника” поставило под сомнение считавшиеся доселе непререкаемыми правила, тем самым привнес в ранее однозначно воспринимавшуюся ситуацию элементы замешательства и негодования. Феминистские требования равных прав вызывают у мужчин чувство опасности, высвобождающее злобу и агрессию.

Острота антагонизма между признанными и посторонними, как и тяжесть его возможных последствий, еще больше усугубляется тем, что неуживчивость признанных вызывает симметричный ответ со стороны тех, кто загнан в положение посторонних, и это уменьшает вероятность примирения. Американский антрополог Грегори Бейтсон предложил назвать цепь действий и реакций на них (враждебное отношение, так сказать, оправдывает себя, вызывая враждебное поведение)

схизмогенезисом. В подобных ситуациях любое новое действие влечет за собой еще более сильную реакцию, и обе стороны волей-неволей вовлекаются в глубокий затяжной раскол. И если до этого момента у каждой стороны был какой-то контроль и возможность влияния на взаимоотношения, то теперь они утрачиваются полностью. “Логика ситуации” берет верх.

Бейтсон различал два типа схизмогенезиса. В случае симметричного схизмогенезиса каждая из сторон реагирует на любые проявления силы противника. Всякий раз, когда противник демонстрирует свою силу и решимость, в ответ он получает еще более убедительную манифестацию силы и решимости. Больше всего обе стороны боятся показаться слабыми и нерешительными. Вспомним лозунги “устрашение должно быть убедительным” или “агрессору надо показать, что агрессия будет наказана”; некоторые стратеги даже предлагали сделать автоматическими пусковые механизмы ядерных ракет и тем самым убедить врага, что никакие угрызания совести не остановят в последний момент ядерного возмездия в случае нападения. Симметричный схизмогенезис подпитывает самоуверенность обеих сторон конфликта и фактически разрушает всякую возможность рационального поиска его причин и условий соглашения. Представьте себе углубляющийся конфликт супругов: поскольку каждая сторона хочет добиться своего, а не компромисса, и полагает, что только демонстрация сильной воли и решительности, а не проявление слабости, способствует достижению этой цели, то первоначально незначительные расхождения во мнениях разрастаются и ведут к расколу, причем настолько глубокому, что ни одна из сторон уже не может его преодолеть. Теперь вряд ли кто помнит об изначальной причине конфликта; обе стороны разъяряются настолько, что ведут настоящую борьбу. Взаимные упреки и демонстрации превосходства выходят из-под контроля, брак заканчивается разводом — цепочка дальнейших взаимоотношений прерывается.

Взаимодополняющий схизмогенезис исходит из прямо противоположных предпосылок, но ведет к тем же результатам, а именно — к разрыву взаимоотношений. Схизмогенетическая последовательность действий взаимодополнительна, т. е. решимость одной стороны укрепляется при виде слабости другой, в то время как другая сторона ослабляет свое противодействие, сталкиваясь с проявлениями растущей силы противника. Это типичная тенденция взаимодействий господствующих и подчиняющихся партнеров. Один из них, самодовольный и самоуверенный, упивается проявлениями робости и приниженности другой стороны. В свою очередь, смирение последней усиливается с ростом самодовольства и заносчивости первой. Случаи взаимодополнительного схизмогенезиса столь же многообразны по содержанию, сколь и многочисленны. В качестве примера одной такой крайности можно представить себе банду, затерроризировавшую всю округу и полностью подчинившую ее себе, а затем, будучи уверенной в своем всемогуществе, ввиду отсутствия всякого сопротивления, предъявившую своим жертвам требования, превосходящие их возможности. Безысходность ситуации может заставить жертвы либо взбунтоваться, либо просто покинуть территорию, шантажируемую бандой. В качестве другой крайности можно представить себе взаимоотношения “начальник — подчиненный” Господствующее большинство (национальное, расовое, культурное, религиозное) может принять существование меньшинства при условии, если то будет прилежно демонстрировать ему одобрение господствующих ценностей и готовность жить по господствующим правилам. Меньшинство же будет стараться угодить господствующему большинству и заискивать перед ним, обнаруживая, однако, что количество уступок, требуемых господствующей группой, все увеличивается по мере роста ее уверенности в том, что ее ценности и правила переданы и вряд ли будут оспариваться. Меньшинство усваивает и то, что стратегия стирания своих собственных отличий как средство достижения цели быть принятым на равных

непродуктивна. И оно будет вынуждено либо бежать в гетто, либо изменить стратегию по типу симметричного схизмогенезиса. Но каким бы ни был его выбор, наиболее вероятный исход — разрыв их взаимоотношений. К счастью, напоминает нам Бейтсон, есть еще и третий тип взаимодействия — обмен. В некотором смысле обмен совмещает качества двух предыдущих моделей, но таким образом, что нейтрализует саморазрушающие тенденции. В отношениях обмена каждый отдельный случай взаимодействия асимметричен, но на достаточно длительном отрезке времени действия обеих сторон уравниваются, и таким образом взаимодействие становится “сбалансированным”, т.е. оно может долго сохранять свои характеристики, не рискуя при этом оказаться в опасном положении. Проще говоря, обмен означает взаимодействие, в котором каждая сторона должна предложить нечто такое, в чем нуждается другая сторона (например, только среди оскорбленного и униженного меньшинства можно найти людей, готовых выполнять насущно необходимую, но неблагодарную работу, от которой отказываются представители большинства). Зависимость от услуг другой стороны останавливает обоих партнеров обмена от требования завышенного вознаграждения за свои услуги. Является ли обмен (в любой его форме) характеристикой большинства взаимодействий — спорный вопрос. Но так или иначе он присутствует, по определению, в любой сбалансированной и стабильной системе взаимодействий. Обмен может способствовать выживанию и воспроизводству этой системы во времени, особенно когда он принимает форму *запоздалого* обмена (когда, например, дети “оплачивают” заботу о них своих родителей тем, что заботятся о своих собственных детях). Однако следует отметить, что никакой обмен не застрахован полностью от опасности скатиться к симметричному или комплиментарному схизмогенезису.